

Проф. П. Казанскій.

Право и нравственность, какъ явленія всемірной культуры.

Цѣна 10 коп.

Современная библіотека

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 13.

ПРАВО И НРАВСТВЕННОСТЬ,

КАКЪ ЯВЛЕНІЯ

ВСЕМІРНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Профессора *П. Казанскаго.*

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяч., 39.

1902.

Пров. 1955

Дозволено цензурою. Рига, 10 Ноября 1901 г.

Право и нравственность, какъ явленія всемірной культуры.

I.

Изъ всей области общественныхъ знаній право и нравственность—понятія, которыя всего чаще на устахъ у каждаго, о которыхъ спеціально думали, учили и писали во всѣ времена множество лицъ: изслѣдователи разныхъ религіозныхъ ученій, правовѣды, философы, моралисты и т. д. Объ одной христіанской нравственности имѣются цѣлыя библіотеки изслѣдованій на каждомъ изъ великихъ языковъ современности.

Въ то же самое время, однако, врядъ-ли существуютъ въ области общественныхъ отношеній два другія явленія, относительно которыхъ высказывались бы столь различныя мнѣнія, какъ относительно права и нравственности. Что такое право и нравственность, каковы ихъ предписанія, какое ихъ взаимное отношеніе, на всѣ эти вопросы нѣтъ общеудовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Главную причину разногласія, а иногда и противорѣчія во мнѣніяхъ слѣдуетъ искать, конечно, въ чрезвычайной сложности этихъ явленій. Желая изучить ихъ со всѣхъ сторонъ, въ дѣйствительности, каждый подходитъ къ нимъ съ одной какой-либо точки зрѣнія и освѣщаетъ одну только сторону ихъ. Понятно, поэтому, что если-бы мы хотѣли постигнуть ихъ возможно широко и глубоко, мы должны были-бы искать истину въ обобщеніи, въ сведеніи въ одно заключеній отдѣльныхъ лицъ.

Подобное обобщеніе было бы дѣломъ простымъ, если-бы мы должны были считаться съ мнѣніями ограниченнаго круга лицъ. На самомъ же дѣлѣ, занимающія насъ явленія интересуютъ и всегда интересовали не однихъ ученыхъ изслѣдователей жизни, но все общество. Право и нравственность —ходячія, обыденныя слова, общераспространенныя понятія; при этомъ не только общераспространенныя, но и историческія, и всемірныя. Они—не созданія одной современной общественности, тѣмъ болѣе не созданія одного какого-либо народа.

Они такъ же стары, какъ старо само человѣчество. Всюду, гдѣ жили люди, существовали и право, и нравственность. По мѣрѣ того, какъ усложнялась и развивалась жизнь человѣчества, усложнялись и развивались и они. Видоизмѣнялись явленія, оставаясь въ своей сущности тождественными, и разныя мысли въ разное время связывались съ ними у различныхъ изслѣдователей.

Человѣчество знаетъ нынѣ рядомъ съ жизнью народной и жизнь международную. Всякое крупное общественное явленіе, торговля, промышленность, наука, искусство стали нынѣ всемірными. Ихъ изучаютъ и понимаютъ, столь же въ ихъ

настоящемъ, какъ и въ прошедшемъ и будущемъ. Такими-же историческими всемірными явленіями и понятіями надо считать нынѣ и право и нравственность.

Понятно, какія трудности должно представлять, при этихъ условіяхъ, обобщеніе отдѣльныхъ мнѣній, которыя высказывались по занимающему ихъ вопросу разными лицами въ разныя времена и въ разныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, разъ мы ставимъ себѣ общій вопросъ о томъ, что такое право и что такое нравственность, мы должны взглянуть на нихъ, именно какъ на явленія всемірной исторіи человѣчества.

Отмѣтимъ эту точку зрѣнія! Это та именно сторона вопроса, которую намъ подлежитъ освѣтить, поскольку это возможно сдѣлать здѣсь.

Мы должны прослѣдить обобщающую, идущую къ извѣстной цѣли историческую работу всемірной общественной мысли въ области указанныхъ вопросовъ, провѣрить и выразить заключенія, къ которымъ она пришла. Если мы не найдемъ ошибокъ въ этой работѣ, мы должны будемъ согласиться съ выводами, сдѣланными ею; если-же окажется, что въ основаніи ея лежатъ соображенія, имѣющія значеніе, мы должны будемъ принять ихъ, какъ полезное пріобрѣтеніе для нашихъ знаній.

Съ этой цѣлью слѣдуетъ установить, какія явленія вообще относились и относятся къ изучаемымъ общественнымъ, всемірно-историческимъ понятіямъ, какіе признаки выставлялись и выставляются, какъ составныя части этихъ понятій, соотвѣтствуютъ ли эти признаки этимъ явленіямъ, не слѣдуетъ ли отбросить какіе-либо изъ этихъ признаковъ, или изъ этихъ явленій, или, наоборотъ, прибавить къ тѣмъ, или другимъ нѣчто новое, именно для того, чтобы опредѣленія, ко

торыхъ мы ищемъ и которыя должны указывать признаки изучаемыхъ явленій, отвѣчали дѣйствительно существующимъ отношеніямъ, чтобы они были логически правильны,—это во-первыхъ.

А во-вторыхъ, должно установить, имѣется-ли теоретическая и практическая надобность въ провѣренныхъ такимъ путемъ понятіяхъ, могутъ-ли они примкнуть къ тѣмъ, которыя уже находятся въ нашемъ распоряженіи, можемъ ли мы воспользоваться ими въ нашей повседневной жизни, словомъ, надо изслѣдовать, было-ли и есть-ли основаніе для того, чтобы они были созданы?

Въ концѣ подобной работы, продѣлывать которую здѣсь не у мѣста, у насъ получаются слѣдующія обобщенія, не заключающія въ себѣ, какъ намъ кажется, логическихъ ошибокъ, и представляющія цѣнное пріобрѣтеніе для нашихъ знаній и для практики каждаго текущаго дня.

II.

Человѣкъ не можетъ жить и дѣйствовать безъ соблюденія различныхъ правилъ, которыя помогаютъ ему разобраться, найти дорогу среди безчисленныхъ обстоятельствъ и сложныхъ отношеній его существованія. Жизнь и дѣятельность современнаго человѣка вращается среди необъятнаго множества всевозможныхъ правилъ, предписаній, законовъ и т. д. Они предусмотрѣли кажется, каждый шагъ нашъ и на всякій случай жизни дали соотвѣтствующее указаніе. Каждая минута проходитъ по тому, или другому правилу.

Дѣйствительно, оглянемся на себя, вспомнимъ, хотя бы, нашъ сегодняшній день, онъ весь прошелъ по извѣстнымъ правиламъ. Прежде, чѣмъ

мы встали съ постели, какъ всегда, проснулась прислуга и произвела обычныя работы. Если мы религіозны, мы начали свой день обращеніемъ къ Богу, каждый по обрядамъ своей вѣры. Затѣмъ нашъ день наполнила забота о здоровьѣ, о матеріальномъ благополучіи, о лежащихъ на насъ семейныхъ, общественныхъ, служебныхъ обязанностяхъ, о лицахъ, близкихъ намъ, и постоянно, и во всѣхъ случаяхъ мы дѣйствовали и жили сегодня, въ общемъ, совершенно такъ, какъ вчера, руководимые усвоенными нами, или обязательными для насъ правилами.

Правила опредѣляютъ и крупные факты, и мелочи нашей жизни и дѣятельности, вторгаются въ интимную нашу жизнь, слѣдуютъ за нами и тогда, когда мы остаемся наединѣ съ собой, наединѣ съ своею совѣстью. Они занимаются тѣми чувствами, которыя мы питаемъ къ другимъ людямъ, они слѣдятъ за нашими помыслами и тайными дѣлами...

Что же такое эти правила? Почему въ нихъ такая надобность?

Жизнь наша и наша дѣятельность слагаются, въ большой мѣрѣ, изъ явленій, постоянно повторяющихся. Одинъ нашъ годъ, одинъ нашъ день похожъ на другой годъ и на другой день. Такимъ же постоянствомъ отличаются и тѣ главныя жизненныя цѣли, которыя мы преслѣдуемъ.

Одинъ стремится разбогатѣть, другой находитъ свое благо въ развитіи своихъ духовныхъ силъ, третій отдается служенію бѣднымъ и несчастнымъ, четвертый ищетъ власти и т. д. Обыкновенно, у каждаго имѣется нѣсколько основныхъ и постоянныхъ цѣлей, на преслѣдованіе которыхъ разбивается его жизнь и дѣятельность, и великое множество цѣлей второстепенныхъ и временныхъ.

Такъ вотъ, съ точки зрѣнія этихъ постоянныхъ цѣлей, въ одинаковыхъ случаяхъ жизни и дѣятельности возможенъ только опредѣленный образъ дѣйствія. Выраженіе въ предложеніи, въ словахъ, этого необходимаго образа дѣйствія и составляетъ то, что̀ называется правиломъ. Правильно то, что̀ прямо и полно ведетъ къ цѣли. Неправильно то, что ведетъ къ ней неполно и непрямо. Правило есть прямой путь къ тому именно, чего мы ищемъ.

Правила освобождаютъ человѣка отъ необходимости каждый разъ снова обдумывать одни и тѣ же случаи и предохраняютъ его отъ возможныхъ при этомъ ошибокъ. Они помогаютъ ему идти прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ тѣмъ постояннымъ цѣлямъ, которыя онъ преслѣдуетъ. Среди этихъ-то правилъ и надо искать права и нравственности.

Право и нравственность, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія наукъ общественныхъ, прежде всего—правила. Но не всѣ правила, по которымъ течетъ наша жизнь и развивается наша дѣятельность, носятъ нравственный или юридическій характеръ. Тѣ, которыя называются религіозными заповѣдями, должны быть первыя оставлены въ сторонѣ.

Въ прежнее время къ религіознымъ правиламъ относились и предписанія нравственности, и законы (вспомните законы Моисея), и даже разныя научныя и практическія свѣдѣнія. Въ наше время подъ религіозными правилами въ собственномъ смыслѣ слова понимаютъ только тѣ, которыя опредѣляютъ наше отношеніе къ Богу, къ таинственному началу вселенной.

Правила этого рода предписываютъ намъ говорить установленныя слова молитвы, производить извѣстныя дѣйствія, зажигать свѣчи и ку-

рить ладаномъ, надѣвать на себя разныя одежды и т. д. Слѣдуютъ имъ потому, что видятъ въ нихъ велѣнія божества и хотятъ заслужить благоволенія его.

Въ сторонѣ же должны быть оставлены разные научные и практическіе совѣты и указанія, которые научатъ насъ, какъ управлять внѣшней природой, заставлять ее служить намъ. Къ правиламъ этого рода относится большинство предписаній, которымъ мы обыкновенно слѣдуемъ. Одни изъ наиболѣе близко касающихся насъ—правила гигіены, ,указывающія намъ, какъ быть здоровыми, сильными,—правила, которыя предписываютъ дышать чистымъ воздухомъ, употреблять умѣренную пищу, одѣваться соотвѣтственно погодѣ и т. д. Всѣ эти правила,—не право и не нравственность.

Право и нравственность надо искать среди правилъ общественныхъ отношеній, т. е. отношеній людей между собою. Въ этомъ смыслѣ и право и нравственность относятся къ общественнымъ явленіямъ. Если мы представимъ себѣ человѣка, постоянно живущаго въ одиночествѣ, какого-нибудь несчастнаго, всю свою жизнь не видавшаго людей, для него не будетъ существовать ни правилъ нравственныхъ, ни правилъ правовыхъ.

Подобный случай, впрочемъ, невозможенъ въ дѣйствительности. Человѣкъ не можетъ существовать безъ общества себѣ подобныхъ; внѣ общества другихъ людей, онъ лишается всѣхъ тѣхъ духовныхъ и физическихъ качествъ, которыя дѣлаютъ изъ человѣка — человѣка, и падаетъ ниже животнаго. Человѣкъ, по выраженію Аристотеля, ζῷον πολιτικόν, существо „гражданственное“, а, слѣдовательно, и нравственное, и правовое, потому что, какъ мы вскорѣ увидимъ, право и нравственность необходимыя условія существованія человѣка въ обществѣ.

III.

Если мы, имѣя въ виду различныя начала нашей обыденной жизни, ограничимся кругомъ общественныхъ отношеній, то, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе тѣ правила, которымъ мы свободно слѣдуемъ потому, что убѣждены въ ихъ необходимости, т. е., въ ихъ согласіи съ постоянными цѣлями нашей жизни, поскольку эти цѣли осуществляются въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Эти правила — святилище нашей личности. Это наша личная нравственность, или просто нравственность. Основныя начала нашей жизни и дѣятельности, дающія общее направленіе нашимъ отношеніямъ къ людямъ, свободно принимаемыя и исполняемыя, называются нравственными.

Мы слѣдуемъ правиламъ нравственности свободно, по убѣжденію въ ихъ правотѣ, въ ихъ истинности. Кромѣ подобныхъ правилъ общественныхъ отношеній, какъ мы узнаемъ изъ второй половины настоящей статьи, имѣются и другія, которымъ мы должны слѣдовать, даже, если невполнѣ или вовсе не убѣждены въ ихъ необходимости. Это правила — права, признакомъ ихъ является не свобода, а принужденіе.

Предписанія нравственности о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ другимъ людямъ, узнаемъ мы, первоначально, изъ опыта жизни и мысли людей, которые жили раньше насъ, обыкновенно, изъ какой-нибудь готовой системы нравственности. Люди такъ схожи между собою, что, живя въ одинаковыхъ условіяхъ мѣста и времени, не могутъ не имѣть однѣхъ и тѣхъ же основныхъ цѣлей и однихъ и тѣхъ же нравственныхъ воззрѣній.

Такъ, въ настоящее время, всюду на землѣ, даже среди народовъ нехристіанскихъ, торжествуетъ христіанская нравственность. Главное отличіе ея отъ нравственныхъ ученій мусульманскаго, языческихъ и другихъ состоитъ въ томъ, что она признала нравственное единство всѣхъ людей, отвергла идею народа избраннаго, со всѣми ея послѣдствіями. Она указываетъ намъ одинъ и тотъ же путь къ благу въ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ, безъ различія ихъ національности. Эта нравственность торжествуетъ потому, что она отвѣчаетъ современнымъ условіямъ міровой жизни.

Несмотря на необходимость подобнаго заимствованія, нравственность остается, въ принципѣ, системой началъ, свободно принимаемыхъ и свободно выполняемыхъ каждымъ. Поэтому, пользуясь опытомъ предшествующихъ поколѣній и другихъ людей, каждый вноситъ въ него разныя измѣненія, сообразно тому, какъ для него представляются основныя цѣли жизни. Создаетъ на этомъ основаніи свое собственное святилище.

Поэтому-то и среди христіанъ такъ велики различія въ нравственныхъ требованіяхъ къ отдѣльнымъ случаямъ отношеній между людьми. Даже по такому крупному вопросу нравственности, какъ лишеніе другого человѣка жизни, одни проповѣдуютъ отмѣну смертной казни, всеобщій миръ и пр.,—и голоса въ этомъ смыслѣ, къ счастью, особенно часто и убѣжденно раздаются въ Россіи,— другіе, и даже цѣлые народы, притомъ передовые, не стыдятся примѣнять смертную казнь даже за преступленія общаго характера, проповѣдывать въ международныхъ отношеніяхъ культъ кулака, закованнаго въ броню, и т. п.

IV.

Откуда-бы ни происходили тѣ или другія начала нравственности, они должны быть свободно приняты нами и свободно выполняемы, только въ такомъ случаѣ они носятъ нравственный характеръ. Признакъ свободы самоопредѣленія и дѣятельности есть существенный признакъ нравственности. Лицо, дѣйствующее по указаніямъ другихъ и особенно по принужденію со стороны другихъ, мы не считаемъ нравственнымъ. Оно поступаетъ или безразлично въ нравственномъ отношеніи, или безнравственно. Вспомните евангельскихъ фарисеевъ. Они, по наружности, исполняли все, что слѣдуетъ, но какъ каралъ ихъ своимъ словомъ великій учитель нравственности!

Нравственнымъ мы считаемъ только того человѣка, который поступаетъ по свободному убѣжденію въ своей правотѣ, даже наперекоръ давленію со стороны. Какое нравственное обаяніе имѣютъ въ нашихъ глазахъ мученики давно минувшихъ вѣковъ, Бруно, Гусъ и др., шедшіе на смерть за свои убѣжденія, убѣжденія столь далекія, столь чуждыя, непонятныя для современныхъ поколѣній. Обаяніе въ нашихъ глазахъ имѣютъ, конечно, не эти непонятныя убѣжденія, а гордый свободный образъ дѣйствія героевъ.

Нашему нравственному обсужденію подлежитъ все, даже поступки, о которыхъ никто не знаетъ, и никогда ничего не узнаетъ. Оставаясь наединѣ со своею совѣстью, мы судимъ себя и за то, за что другіе могутъ воздавать намъ хвалу. И здѣсь проявляется признакъ свободы, характеризующій нравственность. Поэтому, можно сказать, что нравственность опредѣляетъ отношеніе человѣка къ самому себѣ, т. е. къ тѣмъ основнымъ цѣлямъ,

которыя онъ преслѣдуетъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Въ этомъ смыслѣ правъ Кавелинъ, когда говоритъ, что нравственность «имѣетъ предметомъ одни отношенія поступка къ дѣйствующему лицу и его душевному строю».

Наши нравственныя убѣжденія и рѣшенія — плодъ, обыкновенно, долгихъ исканій и тяжелыхъ усилій. Извѣстно изреченіе Сократа, что добродѣтель есть знаніе и ей можемъ научиться. Какъ трудно бываетъ иногда рѣшиться на что-нибудь опредѣленное! Кто не переживалъ минутъ, когда, кажется, дорога исчезаетъ подъ ногами и человѣкъ не знаетъ куда идти... Каждый самъ долженъ найти свое рѣшеніе, самъ снова стать на твердый и вѣрный путь.

На почвѣ этихъ исканій и усилій родится чувство нравственной свободы человѣка, сознаніе того, что онъ не игрушка каждаго новаго впечатлѣнія, не рабъ другого человѣка, что его жизнь можетъ направляться и направляется свободно принятыми общими идеями и обдуманными личными рѣшеніями... Въ этомъ смыслѣ совершенно вѣрно, что идеалъ освобождаетъ человѣка, такъ какъ онъ, напоминая ему о высокихъ постоянныхъ цѣляхъ жизни, отодвигаетъ на задній планъ интересы болѣе низкіе и временные, дѣлаетъ его гордымъ и самостоятельнымъ въ сношеніяхъ съ людьми, особенно съ тѣми, которые сами себя считаютъ и считаются другими—людьми сильными, могущественными.

Именно въ этомъ чувствѣ нравственной свободы черпали свои силы герои всѣхъ временъ. «Единственное», по словамъ Канта, «чтб можетъ на землѣ внушать уваженіе къ себѣ, это — нравственный законъ, который каждый носитъ въ душѣ».

V.

Несмотря на то, что мы слѣдуемъ имъ свободно, правила нравственности имѣютъ для насъ обязательное значеніе. Основаніе ихъ обязательности, основаніе нравственнаго долга — наше убѣжденіе въ томъ, что они ведутъ вѣрнымъ и прямымъ путемъ къ добру и благу, къ осуществленію тѣхъ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Никакого другого основанія ихъ обязанности нѣтъ и быть не можетъ. Но и этого одного совершенно достаточно.

Для человѣка, силы и способности котораго находятся въ равновѣсіи, понимать, хотѣть и дѣйствовать одно и то же. Понять лучшее, значитъ желать его, значитъ стремиться къ нему. Представленіе объ идеалѣ есть его уже первое осуществленіе. Человѣкъ, силы и способности котораго находятся въ равновѣсіи, не можетъ нарушить разъ сознанныхъ правилъ нравственности; онъ можетъ только отказаться отъ соблюденія однихъ, отжившихъ началъ, въ виду требованія другихъ, сознанныхъ имъ вновь, болѣе широкихъ и высокихъ нравственныхъ идеаловъ.

Выполненіе нравственныхъ требованій вызываетъ въ нашей душѣ сознаніе цѣльности, силы, здоровья, чувство внутренняго равновѣсія и спокойствія духа. Наоборотъ, нарушеніе требованій совѣсти рождаетъ сознаніе внутренняго разлада, болѣзненнаго противорѣчія, чувство нарушенія естественной зависимости между сознаніемъ, волею и дѣятельностью. Разладъ этотъ — признакъ нарушенія равновѣсія силъ и способностей человѣка, болѣзненнаго раздвоенія личности.

Дѣйствительно, обратимся снова къ самимъ

себѣ. Почему мы поступаемъ въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ извѣстнымъ образомъ? Потому что убѣждены, что надо такъ. Припомните трудную минуту жизни, когда предстояло принять важное рѣшеніе среди тяжелыхъ и сложныхъ обстоятельствъ. Вы были въ эту минуту совершенно одни. Свое нравственное рѣшеніе должны были принять свободно. Своими силами должны были выйти на прямую и вѣрную дорогу. И вы вышли... Какимъ чувствомъ радостной свободы, духовнаго здоровья наполнилась ваша грудь!..

Вспомните другой случай. Вами овладѣло какое-нибудь одно желаніе, нарушившее равновѣсіе силъ и способностей. Тотъ прямой и вѣрный путь, по которому вы доселѣ шли, ясенъ, но враждебная овладѣвшая вами сила влечетъ въ сторону. Вы уступили... Какое тяжелое чувство раздвоенія, разлада, смятенія... И снова вы одни, со своею совѣстью. Терзанія ея—ваше наказаніе за совершенный грѣхъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія, на которую мы стали, нравственность есть понятіе формальное. Это совокупность правилъ, которыми человѣкъ руководствуется въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, свободно, по убѣжденію въ ихъ правотѣ, въ томъ что они ведутъ прямою и вѣрною дорогою къ цѣли. Содержаніе правилъ нравственности было у разныхъ народовъ и лицъ въ разныя времена различно, но описанная только-что формальная природа ихъ всегда оставалась одной и той же.

Поэтому о содержаніи нравственныхъ предписаній можетъ быть рѣчь, собственно только тогда, когда мы перейдемъ отъ нравственности вообще, какъ всемірно-историческаго явленія, къ нравственнымъ убѣжденіямъ отдѣльныхъ лицъ,

или къ отдѣльнымъ нравственнымъ системамъ. Но, какъ всемірная исторія, въ общемъ и цѣломъ, не представляетъ собою хаоса случайныхъ явленій и дѣйствій, а есть, видимо, развитіе, ведущее человѣчество медленно, но неуклонно къ высшимъ типамъ человѣка и лучшимъ формамъ общественной жизни, такъ и нравственность представляетъ собою нѣкое, преемственно развивающееся, явленіе, матеріальное содержаніе котораго можно обрисовать нѣкоторыми общими чертами. Въ однихъ случаяхъ болѣе рѣзко проявляются однѣ изъ нихъ, въ другихъ — другія, но нельзя найти ни одного случая, когда-бы онѣ вовсе исчезали.

VI.

Всегда и всюду, живя въ обществѣ, человѣкъ, въ общемъ, стоялъ и стоитъ въ одинаковыхъ основныхъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, преслѣдовалъ и преслѣдуетъ по отношенію къ нимъ двѣ основныя цѣли, именно: живя въ обществѣ себѣ подобныхъ, въ однихъ случаяхъ мы живемъ для себя, въ другихъ—для другихъ. Такъ было всегда и всюду, такъ будетъ и въ грядущіе вѣка.

Правила нравственности, поучая насъ, какъ достигать своихъ цѣлей въ сношеніяхъ съ другими людьми, указываютъ и то, какъ намъ жить для себя, и то, какъ намъ жить для другихъ. Первыя составляютъ такъ называемую нравственность эгоизма, вторыя—нравственность альтруизма.

Но правила того и другого рода, какъ мы сейчасъ увидимъ, удивительнымъ образомъ сближаются между собою, сливаются въ одну систему предписаній. Дѣло въ томъ, что, живя истинно для себя, мы живемъ тѣмъ самымъ и для дру-

гихъ, а живя истинно для другихъ, тѣмъ самымъ живемъ и для себя. Цѣли того и другого рода и правила, указывающія, какъ достигать ихъ, тѣсно сближаются, даже сливаются между собою. И это вполнѣ понятно.

Въ современномъ мірѣ все человѣчество работаетъ надъ каждымъ изъ насъ и для каждаго изъ насъ. Все, что въ насъ и вокругъ насъ, даютъ намъ другіе люди. Человѣкъ ни физически, ни духовно не мыслимъ безъ другихъ людей. Внѣ общества онъ—ничто, способность безъ содержанія.

Человѣкъ таковъ, какимъ сдѣлало его общество, изъ котораго онъ вышелъ. А общество сдѣлало его такимъ, какимъ онъ нуженъ для него. Понятно отсюда согласіе между цѣлями и интересами разныхъ людей и всего общества. Человѣкъ—ничтожный временно-существующій атомъ великаго и вѣчнаго цѣлаго—человѣчества.

Человѣкъ, созданный обществомъ, стремится только къ тому, къ чему стремиться ему вложено въ душу обществомъ, и стремиться именно такъ и въ такой мѣрѣ, какъ и въ какой это необходимо для общества. Это крайне любопытный фактъ, который подтверждается, при внимательномъ разсмотрѣніи, на каждой сторонѣ нашей жизни и дѣятельности.

Возьмемъ, напримѣръ, экономическую дѣятельность, играющую столь крупную роль въ современномъ мірѣ. Нынѣ человѣкъ всюду въ мірѣ стремится къ богатству, во что-бы то ни стало, стремится образовывать колоссальныя состоянія. И что же? Это необходимо для современной стадіи экономическаго развитія народовъ, для того, чтобы привести въ движеніе современныя многомилліонныя арміи работниковъ, для того, чтобы разработать, сдѣлать полезными для людей естественныя богатства всей земли.

Въ недалекомъ прошломъ люди не отличались такой алчностью и это потому, что для общества не было надобности въ томъ, чтобы громадныя средства сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ, не было надобности въ томъ, чтобы сдѣлать изъ отдѣльныхъ лицъ машины для сколачиванія капиталовъ, необходимыхъ для современной міровой торговли и промышленности.

Итакъ, каждая, правильно понятая, личная цѣль, которую въ предѣлахъ извѣстнаго общества преслѣдуетъ человѣкъ, созданный этимъ обществомъ, согласна съ благомъ послѣдняго. Наши знанія въ общемъ интересѣ. Наше богатство необходимо для всеобщаго хозяйственнаго преуспѣянія. Наше здоровье нужно для всѣхъ.

Только болѣзненныя или ошибочныя уклоненія въ нашей дѣятельности и жизни могутъ нарушать благо другихъ людей, и общее благо. Злыя дѣла, преступленія—результатъ временнаго, или постояннаго разстройства способностей и силъ злого, или преступнаго человѣка. Злой и преступный — больные, по вѣрному слову нашего народа,—несчастные люди.

Понятно поэтому то, что было сказано выше: живя для себя, мы тѣмъ самымъ живемъ и для другихъ. Мысль объ этомъ единствѣ всего человѣчества одна изъ самыхъ удивительныхъ, возвышенныхъ и поэтичныхъ, которыя знаетъ только нашъ умъ. Сознавать, что всегда и всюду вмѣстѣ съ нами и въ насъ все великое—человѣчество, и тѣ, которые живутъ, и тѣ, которыхъ уже нѣтъ, и тѣ, которыхъ еще нѣтъ, не значитъ-ли это дѣйствительно жить такъ, чтобы наша личная жизнь была жизнью для другихъ?

Такимъ-то образомъ и тѣ правила нравственности, которыя обезпечиваютъ человѣку выполненіе имъ первой его цѣли въ сношеніяхъ съ

другими людьми — жизни для себя, если исключить случаи болѣзненнаго, или преступнаго заблужденія, и случаи ошибки, предписываютъ ему такой образъ жизни и дѣятельности, который въ высокой степени въ общемъ интересѣ. Нравственность эгоизма требуетъ, чтобы мы были смѣлы, стойки, способны къ почину, трудолюбивы, умѣренны и пр., и пр. Развѣ всѣ эти качества также не въ общемъ интересѣ?

VII.

Но жизнь для себя—одна только изъ двухъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ человѣкъ въ обществѣ. Онъ не можетъ жить только для себя. Онъ долженъ жить и для другихъ. Жизнь безъ жертвы невозможна. Источникъ этой жизни для другихъ лежитъ въ томъ, что въ насъ больше силъ, чѣмъ личныхъ потребностей.

«У насъ больше слезъ», —говоритъ Гюйо,— «чѣмъ нужно для нашихъ собственныхъ страданій, бо́льшій запасъ радостей, чѣмъ требуетъ наше счастье». Не страдать горемъ ближняго, не раздѣлять его радости, значитъ быть измученными собственными силами, ищущими и ненаходящими выхода, значитъ лишить себя лучшей половины жизни.

Понятно, поэтому, что, чѣмъ сильнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ великодушнѣе, чѣмъ менѣе надѣленъ дарами природы, тѣмъ уже и суше. Понятно, почему молодость пора любви, дружбы, увлеченія всѣмъ хорошимъ и прекраснымъ, пора безкорыстной жертвы, лучшая пора! Великодушіе есть цвѣтъ нашей жизни.

И эта жизнь для другихъ есть для насъ, дѣйствительно, великій источникъ новой жизни. Она

даетъ намъ цѣлый рядъ новыхъ чувствъ, мыслей и дѣлъ, которыхъ не знаетъ человѣкъ, живущій только для себя. Не даромъ говорятъ, что любовь открываетъ намъ новый міръ. Чѣмъ больше отдается человѣкъ другимъ, тѣмъ шире и глубже становится его собственная жизнь. Ставя свою цѣль внѣ себя, мы становимся больше себя. «Идеалъ личной жизни»,—говоритъ Гюйо, «совмѣстная жизнь».

Пусть каждый спроситъ себя, чѣмъ была-бы его жизнь, безъ всѣхъ тѣхъ привязанностей, которыя окружаютъ его. Если мы не любимъ прекрасной женщины, не отдаемъ себя своимъ дѣтямъ, не чувствуемъ около своего плеча — плеча товарища въ борьбѣ за жизнь и развитіе, не служимъ своей родной землѣ, не чувствуемъ живой связи со всѣмъ великимъ человѣчествомъ, распавшимся на языки и народы, къ чему сводится наша жизнь? Жизнь-ли это, или смерть? И всѣ скажутъ, что это смерть!

Но жить для другихъ, значитъ жить для себя и потому еще, что въ виду общественной солидарности, о которой шла рѣчь выше, общее благо—мое благо, живя для другихъ, я живу для себя и содѣйствую тому, что другіе будутъ жить для меня. Сознавая общественную солидарность, трудно не быть общественнымъ человѣкомъ, трудно не отдавать себя другимъ.

Итакъ, первое наше общее заключеніе относительно матеріальнаго содержанія предписаній нравственности состоитъ въ томъ, что, въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, человѣкъ преслѣдуетъ двѣ основныя цѣли—жизнь для себя и жизнь для другихъ. Обѣ эти цѣли находятся между собой въ полномъ согласіи въ виду общечеловѣческой солидарности. Поэтому правила нравственности, указывающія человѣку, какъ до-

стигать той или другой цѣли, также находятся между собой въ согласіи, образуя единую систему нравственныхъ началъ.

Но, оставаясь на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, мы можемъ сдѣлать и еще одно заключеніе.

VIII.

Чѣмъ дальше идетъ человѣчество, тѣмъ полнѣе и легче удовлетворяются наши личныя потребности, тѣмъ больше теряютъ они всякую цѣну въ нашихъ глазахъ. Вспомните несчастнаго дикаря, нашего предка, неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ, не знающаго будетъ ли у него завтра, чѣмъ утолить голодъ, гдѣ приклонить голову, чѣмъ укрыться отъ непогоды и многочисленныхъ и опасныхъ враговъ, и сравните его съ современнымъ человѣкомъ, который живетъ обыкновенно обезпеченный до конца дней своихъ, всѣмъ, что нужно для его личныхъ потребностей.

По необходимости, въ виду удовлетворенія личныхъ интересовъ, цѣлью людей все болѣе и болѣе становится жизнь для другихъ, которая одна можетъ дать помѣщеніе силамъ, накопляющимся въ человѣкѣ и ищущимъ выхода. По мѣрѣ того, какъ растутъ силы и способности человѣчества, оно, поневолѣ, должно развивать все больше и больше жизнь для другихъ. Жизнь для другихъ становится постепенно главнымъ благомъ, къ которому стремятся люди.

Наши личныя потребности крайне просты, крайне ограниченны. Это хорошо выражено въ сказкѣ Толстого: „Много-ли человѣку земли нужно?“ Удовлетворить ихъ очень не трудно. Быстро наступаетъ пресыщеніе, и то, что раньше доставляло наслажденіе,—ѣда, сонъ, хорошая об-

становка и проч., начинаютъ внушать отвращеніе.

Кромѣ того, всемірная исторія показываетъ, что наши личныя, въ существѣ дѣла, животныя потребности совершенно неспособны развиваться. Они, повидимому, достигли полнаго своего расцвѣта уже въ нашихъ предкахъ животныхъ. Древній міръ оставилъ намъ память о нѣсколькихъ попыткахъ развить возможно шире узколичную жизнь человѣка, но всѣ онѣ не удались. Особенно грандіозная попытка этого рода была сдѣлана въ Римѣ передъ распространеніемъ христіанства.

Вспомните дикія оргіи, чувственныя излишества, полный разгулъ низкихъ страстей, которыми ознаменовался конецъ римской имперіи, и который такъ хорошо описанъ, хотя-бы въ романѣ Сенкевича «Quo vadis?» Къ чему пришелъ Римъ? Древній міръ захлебнулся въ пресыщеніи, въ отчаяніи, въ отвращеніи къ жизни, въ которыя его завлекла жизнь только для себя. Въ это время раздался голосъ кротчайшаго изъ людей, который возвѣстилъ міру, что жить для себя недостаточно, надо жить также для другихъ, надо любить ближняго.

Древній міръ, лучшіе древняго міра, не истощенные его заблужденіями, съ неописуемымъ увлеченіемъ отозвались на этотъ зовъ. Слово Христа показалось имъ такъ вѣрно, такъ истинно, что за него они готовы были идти и шли на казнь и мученія. Но благая вѣсть не была совершенно новой вѣстью.

Христіанское ученіе не выдвинуло безусловно новаго нравственнаго закона,—въ извѣстной мѣрѣ онъ понимался и осуществлялся всюду, гдѣ жили люди, онъ не исчезалъ вполнѣ и въ языческомъ Римѣ. Христіанство дало ему только

такое широкое и глубокое толкованіе, котораго не было еще нигдѣ и никогда дано.

Оно указало, что идти впередъ возможно только по дорогѣ любви къ ближнему. И, съ тѣхъ поръ, жизнь для другихъ понимается и становится высшимъ, постоянно развивающимся благомъ, доступнымъ человѣку, а жизнь для себя, все болѣе и болѣе, только средствомъ для достиженія главной цѣли жизни. Нравственность альтруизма расширяется насчетъ нравственности эгоизма.

Великое начало любви легло въ основаніе христіанской нравственности, которая требуетъ, чтобы всѣ люди были одинаково близки намъ, безъ различія народности, вѣры и проч. Новыя, появившіяся съ тѣхъ поръ, системы морали выражаютъ, только въ новой формѣ, ту-же старую истину христіанства. Наше время стремится углубить законъ жизни для другихъ, развить его приложенія къ отдѣльнымъ случаямъ, дать ему научное основаніе вмѣсто прежняго основанія—вѣры.

Жизнь для другихъ способна къ безконечному развитію и на этомъ пути человѣку открытъ путь безконечнаго совершенствованія. Будущее человѣчество — всеобщее царство любви. Это говоритъ намъ наука. Она говоритъ то самое, что говорила раньше одна религія, и въ чемъ всѣ нынѣ убѣждены и чего всѣ ожидаютъ.

Итакъ, второе заключеніе относительно матеріальнаго содержанія правилъ нравственности заключается въ томъ, что высшимъ закономъ, основнымъ началомъ ея, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе становится жизнь для другихъ, что совершенствованіе человѣчества должно и заключается въ развитіи этого закона.

Вотъ все, что можно сказать, не сходя съ той

всемірно-исторической точки зрѣнія, на которую мы стали, о матеріальномъ содержаніи нравственности. Что касается отдѣльныхъ нравственныхъ предписаній, то содержаніе ихъ на пространствѣ всемірной исторіи у разныхъ народовъ и въ разныхъ мѣстахъ колебалось не только отъ одной нравственной системы къ другой, но, нерѣдко, и отъ одного человѣка къ другому. То, что разрѣшаетъ себѣ одинъ, можетъ не дозволить себѣ другой съ болѣе высокой нравственностью. Останавливаться на этой сторонѣ дѣла намъ не слѣдуетъ.

Приведу только одинъ примѣръ колебанія нравственныхъ воззрѣній на пространствѣ извѣстной намъ исторіи. Современная христіанская нравственность гласитъ, что идеальная любовь бываетъ въ жизни только одна, что мужчина долженъ любить одну женщину, а женщина одного мужчину. Но было время, когда въ предѣлахъ извѣстнаго племени, всѣ взрослыя женщины и всѣ взрослые мужчины были между собою мужьями и женами, а дѣти общими. Далѣе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наступило время многомужества, когда во главѣ семьи стояла женщина, мужьями которой были всѣ мужчины, входившіе въ семью, даже (хотя и рѣдко) ея собственные сыновья. Далѣе, исторія знала многоженство, которое существовало еще у нашихъ славянскихъ предковъ, и, наконецъ появился современный христіанскій бракъ.

IX.

Этимъ должны ограничиться наши замѣчанія о нравственности. Что касается разныхъ нравственныхъ ученій прошлаго и современности, то

критиковать ихъ и приводить въ согласіе съ нашими собственными воззрѣніями, къ сожалѣнію, мы не можемъ; съ нашей точки зрѣнія о нихъ можно сдѣлать только два замѣчанія.

Во-первыхъ, нѣкоторые изслѣдователи, особенно юристы, въ Россіи Муромцевъ, Новгородцевъ и др., считаютъ нравственность системой внѣшне-обязательныхъ началъ. Нравственнымъ для профессора Шершеневича является тотъ, кто «примѣняется» къ требованіямъ, которыя предъявляютъ къ нему другіе люди.

Послѣ всего сказаннаго о нравственности какъ системѣ свободно принимаемыхъ и свободно выполняемыхъ началъ, мы, конечно, должны прямо отвергнуть эту группу ученій. Она дѣлаетъ явную логическую ошибку, относя къ нравственности—правила права, о которыхъ будетъ вскорѣ рѣчь.

Во-вторыхъ, мнѣнія разныхъ изслѣдователей особенно расходятся тогда, когда они пытаются найти объясненіе закона любви, выяснить его основаніе. Въ общемъ, законъ этотъ признается всѣми. Одни говорятъ о непосредственной, неподлежащей доказательствамъ, очевидности требованій нравственности (Кантъ), или о томъ, что источникъ ихъ надо искать въ велѣніяхъ божества (религіозная нравственность).

Другіе стараются сопоставить законы нравственности съ законами естественной природы, утверждаютъ, что задача нравственности—сохраненіе и развитіе лица и рода (Спенсеръ), или, что нравственность есть отраженіе въ людскихъ отношеніяхъ закона всемірнаго равновѣсія (Бекетовъ).

Третьи стремятся выставить основаніемъ нравственности пользу. «Нашъ долгъ», — говорятъ намъ,—«есть ваша выгода» (англійскіе моралисты).

Четвертые думаютъ построить нравственность на началѣ красоты. Нравственно то, что̀ прекрасно. И такъ далѣе...

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ останавливаться на разсмотрѣніи этихъ и другихъ ученій. Замѣтимъ только, что въ каждомъ изъ нихъ имѣется, обыкновенно, много вѣрныхъ наблюденій и обобщеній. Тѣ сближенія нравственности съ философіей, естествознаніемъ, обществовѣдѣніемъ, которыя мы находимъ въ разныхъ нравственныхъ ученіяхъ, имѣютъ нерѣдко капитальное значеніе для выясненія природы нравственности. Мы не могли касаться ихъ на общедоступномъ чтеніи, да и особой надобности въ томъ не было.

Выясняя понятіе нравственности, какъ понятіе обще-распространенное, мы должны были, главнымъ образомъ, сблизить его съ тою жизнью, которая создаетъ нравственность, которой служатъ нравственныя начала и въ этой жизни искать основаніе нравственности. Такимъ основаніемъ могутъ быть только тѣ основныя цѣли, которыя преслѣдуетъ человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ и достиженіе которыхъ обезпечивается правилами нравственности.

X.

Рядомъ съ правилами нравственности, имѣютъ мѣсто и другія начала общественныхъ отношеній,— быть можетъ менѣе, не столь непосредственно, широко и глубоко затрогивающія нашъ внутренній міръ и нашу жизнь и дѣятельность, но тѣмъ не менѣе имѣющія для каждаго разностороннее и важное значеніе Это—правила, источникъ которыхъ уже не въ личности, а въ обществѣ.

Ихъ дѣлаетъ обязательными та общественная среда, въ которой мы живемъ, въ нихъ выражаетъ свою волю великій господинъ – общество, въ особенности, если оно организовано въ государство. Существеннымъ признакомъ ихъ является не признакъ свободы, какъ это мы видѣли относительно правилъ нравственности, а признакъ принужденія, внѣшняя обязательность ихъ.

Эти правила общество предписываетъ для всѣхъ своихъ членовъ, отдѣльныхъ лицъ, и группъ ихъ. Оно само исполняетъ ихъ, конечно, чрезъ свои органы, и принуждаетъ своихъ членовъ соблюдать, а за несоблюденіе караетъ безжалостно, такъ какъ они обезпечиваютъ сохраненіе и дальнѣйшее развитіе самого общества.

Ubi societas, ubi jus. Гдѣ есть извѣстная постоянная группа лицъ, тамъ между ними возникаетъ право. Ни одна общественная среда не можетъ существовать безъ того, чтобы лица, входящія въ нее, не соблюдали, даже противъ ихъ воли, извѣстныхъ обязательныхъ правилъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, независимо отъ того, убѣждены они въ необходимости этихъ правилъ, или не убѣждены. И каждое общеніе людей создаетъ подобныя правила для своихъ членовъ.

Право мы находимъ и въ поселкахъ дикарей, и среди кочующихъ скотоводческихъ племенъ, и даже среди разбойниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскіе бѣглые каторжники занялись разработкой золота въ предѣлахъ Китая на рѣкѣ Желтугѣ. И что-же? Они тотчасъ-же создали для себя законы и учредили власти. При чемъ курьезно то, что они основали тамъ, въ сущности, парламентарную республику.

Самыя крупныя и живущія наиболѣе богатой, развитой правовой жизнью общества въ настоя-

щее время — государства. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы будемъ часто подставлять вмѣсто выраженія общество—государство. Государство—главное изъ всѣхъ существующихъ обществъ людей и главная среда, развивающая право.

Есть три пути для выраженія воли общества: во-первыхъ, законъ, когда выраженіе ея передается опредѣленному органу его; во-вторыхъ, обычай, когда воля эта получаетъ молчаливое выраженіе среди обыкновенныхъ житейскихъ сношеній между различными членами общества. Наконецъ, третій путь—опредѣленное соглашеніе, договоръ между членами общества.

И во всѣхъ этихъ трехъ формахъ выражаетъ общество, особенно государство, свои предписанія, запрещенія, или разрѣшенія, направленныя къ его членамъ. Всѣми этими путями оно пользуется для установленія правилъ права. Главное значеніе среди источниковъ права имѣетъ въ наше время—законъ.

Такъ, въ русскомъ государствѣ законодательная власть принадлежитъ государю императору. Наши законы собраны въ два крупныя изданія: «Полное Собраніе Законовъ» и «Сводъ Законовъ». Рядомъ съ законами русское право выливается, однако, и въ обычаяхъ, напримѣръ въ обычаяхъ крестьянскихъ, торговыхъ. Для своихъ сношеній съ другими государствами Россія заключаетъ съ ними договоры, положимъ, договоры о почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ сношеніяхъ. Въ нихъ также выражается право, обязательное для русскихъ подданныхъ.

XI.

Право создаетъ общество,—обыкновенно государство,—но составъ послѣдняго всегда крайне разнороденъ. Государство является соединеніемъ разныхъ общественныхъ наслоеній: туземцевъ и иностранцевъ, богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и пр. Воля и дѣятельность государства должна проявляться, думаютъ нѣкоторые, преимущественно, въ волѣ и дѣятельности наиболѣе сильныхъ изъ его общественныхъ группъ. Право—это правила, обязательныя для членовъ государства. Кто-же предписываетъ ихъ? Кто можетъ сдѣлать ихъ обязательными? И многіе отвѣчаютъ: наиболѣе сильный. Поэтому, всякое право, говорятъ многіе— произволъ.

Право—обязательныя правила—создаетъ тотъ, на чьей сторонѣ сила и, конечно, въ свою пользу. Право служитъ сильному. Право охраняется силой. Заставляя подчиняться праву, заставляютъ служить сильному. Таковы простѣйшія заключенія, которыя, говорятъ намъ, сами собой навязываются нашему уму. Утвержденія эти, однако, если имѣть въ виду *идеалъ* права, ошибочны, хотя порою и вѣрны фактически.

Въ видѣ общаго правила, впрочемъ, и фактически масса народная, не только численно, но и экономически и духовно сильнѣе отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Поэтому чрезъ всю исторію проходитъ та идея, что въ общемъ, въ концѣ концовъ, право служитъ интересамъ всего общества (государства), служитъ общему благу. Самый сильный общественный элементъ, если только онъ не составляетъ постояннаго и безу-

словнаго большинства общества, никогда не можетъ быть такъ силенъ, какъ все общество.

Кромѣ того, въ интересахъ даже самаго сильнаго вступить въ соглашеніе со слабыми, для примиренія своихъ взаимныхъ различныхъ и противоположныхъ требованій. Вѣчная борьба и для него не по плечу. Такимъ образомъ и этимъ путемъ общій интересъ торжествуетъ въ правѣ надъ интересами отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ.

Идея общественнаго блага проводится въ право, наконецъ, и тѣмъ еще, что право создается вѣками. Съ теченіемъ времени личныя стремленія отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей взаимно погашаются, силы отдѣльныхъ лицъ взаимно уравновѣшиваются и остается одно только общее стремленіе къ общему благу.

Мы привыкли, порою и основательно, подчеркивать разные недостатки русскихъ законовъ. Но спросите любого русскаго гражданина, слѣдуетъ-ли ихъ соблюдать? И каждый отвѣтитъ, что строгая законность безусловно необходима. А почему? Потому что, если не будемъ соблюдать законовъ, сейчасъ-же сильные въ данный моментъ численно, экономически, или духовно, раздавятъ слабыхъ... Каждый изъ насъ понимаетъ и чувствуетъ, что право даетъ новую силу слабому, поддерживаетъ его въ сношеніяхъ съ сильными.

Корни дѣйствующаго русскаго права надо искать въ глубокой древности, въ правѣ кіевской Руси, въ Русской Правдѣ, въ договорахъ съ греками и пр. На пространствѣ вѣковъ надъ развитіемъ и усовершенствованіемъ его работали безчисленное множество лицъ, съѣзды древнерусскіе, соборы и боярская дума московской Россіи, законодательныя учрежденія Россіи петер-

бургской. Общимъ стремленіемъ многовѣковой работы русскихъ людей было не утѣснить слабаго, но примирить и охранить интересы всѣхъ и каждаго.

Поэтому-то первое начало, по которому мы считаемъ юридическія правила обязательными для себя, — сознаніе, что они вдохновляются общимъ благомъ, а слѣдовательно и нашимъ. На охранѣ правилъ права стоитъ, прежде всего, тоже убѣжденіе въ ихъ правотѣ, что и на охранѣ нравственности. Въ правѣ общество выставляетъ къ отдѣльнымъ своимъ членамъ требованія сообразоваться съ общими интересами и служить имъ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣльныя лица могутъ не внимать требованіямъ права. Это можетъ быть, конечно, послѣдствіемъ особыхъ взглядовъ, или злыхъ качествъ правопреступающихъ лицъ. Тогда является необходимость вынудить повиновеніе правиламъ, соблюдать которыя необходимо въ общемъ интересѣ. Государство прибѣгаетъ къ принужденію. Ничего подобнаго въ области нравственности мы не находимъ. И принудительность правилъ права составляетъ отличительный признакъ ихъ.

XII.

Право дѣлаетъ обязательнымъ сила, власть общества, государства надъ его отдѣльными членами. Для того, чтобы заставить подчиняться праву, оно пользуется всѣмъ тѣмъ психическимъ, экономическимъ и, наконецъ, физическимъ давленіемъ, которое оно имѣетъ на отдѣльное лицо. Кто можетъ устоять противъ такого принужденія, въ особенности, если принять во вниманіе,

что человѣкъ является совершеннымъ продуктомъ той среды, гдѣ онъ родился, гдѣ его выкормили, воспитали, надѣлили средствами, необходимыми для борьбы за существованіе? Самый неукротимый духъ смирится, самая сильная личность поблекнетъ.

Принужденіе это принимаетъ самые разнообразные виды. Въ прежнее время оно носило характеръ почти исключительно физическаго насилія; въ наше время увеличивается значеніе хозяйственнаго и психическаго воздѣйствія. Оно отправлялось и отправляется въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, ближайшимъ образомъ заинтересованными лицами, или государственной властью. Вопросъ о томъ, кто именно опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ право, или нарушено ли право въ данномъ случаѣ, и кто осуществляетъ приговоръ, постановленный на сей счетъ, т. е. обиженный или особый органъ государства—для понятія права безразличенъ.

Большею частью, рядомъ существуетъ нѣсколько способовъ разрѣшенія споровъ о правѣ и преслѣдованія нарушителей права. Въ прежнее время все лежало на ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ лицахъ, позже люди стали обращаться къ третьему лицу съ просьбой разобрать ихъ споръ или рѣшить, къ чему слѣдуетъ принудить обидчика, а засимъ этомъ третій, самъ, или черезъ особые органы, началъ и приводитъ въ исполненіе приговоръ.

Въ наше время на охранѣ большинства предписаній права стоятъ органы военной, полицейской и судебной власти государства. Каждый отлично знаетъ, что по улицамъ ходятъ городовые, а въ разныхъ частяхъ города находятся полицейскія управленія и мировые, окружные и иные суды. Всѣ эти органы (мы не говоримъ

здѣсь объ ихъ совершенствѣ, а только о фактѣ) существуютъ для того, чтобы предписанія права соблюдались каждымъ.

Въ то-же самое время, однако, до сихъ поръ не исчезли и старинные способы охраны права. Иногда и самые «органы» не соблюдаютъ права. Однимъ изъ способовъ охраны права самими заинтересованными является война, рѣшающая споры о правѣ между государствами. Конечно, этотъ способъ крайне несовершененъ. Онъ далеко не такъ вѣрно обезпечиваетъ охрану права, какъ третейскій судъ.

На нашихъ глазахъ происходитъ военная тяжба о правѣ между двумя государствами: Англіей и Трансваалемъ съ его союзникомъ Оранжевой республикой. Трудно предположить, трудно надѣяться на то, чтобы побѣда досталась маленькому народу хлѣбопашцевъ въ его борьбѣ съ великимъ народомъ всесвѣтныхъ купцовъ, а, между тѣмъ, право на сторонѣ Трансвааля, а не Англіи. Споръ, который будетъ рѣшенъ въ пользу Англіи, былъ бы иначе рѣшенъ, если-бы его передали на разсмотрѣніе Гаагскаго третейскаго суда.

XIII.

Итакъ, правомъ мы называемъ правила, слѣдовать которымъ требуетъ отъ насъ, подъ страхомъ принужденія, та общественная среда, членами которой мы являемся, т. е. обыкновенно государство, гдѣ мы живемъ. Но въ тѣсномъ смыслѣ слова правомъ, обыкновенно, называются только тѣ изъ подобныхъ правилъ, которыя являются наиболѣе важными и наиболѣе точно выраженными изъ всѣхъ правилъ, права въ широкомъ смыслѣ.

Право въ тѣсномъ смыслѣ слова, это—правила, предъявляющія опредѣленныя требованія къ общественнымъ отношеніямъ и создаваемыя и охраняемыя обществомъ ради обезпеченія важныхъ интересовъ его. Остальныя подходятъ подъ общее названіе нравовъ или обыкновеній, общественной нравственности или моральнаго права. Впрочемъ, можно дѣлать различіе также между нравами или обыкновеніями съ одной стороны и общественной нравственностью или моральнымъ правомъ—съ другой.

Если предписанія общества, обращаемыя къ его членамъ, касаются важныхъ вопросовъ нашей жизни, но въ то же время носятъ характеръ неопредѣленныхъ пожеланій, неясныхъ требованій, если они не вылились еще въ опредѣленную форму, мы можемъ называть ихъ общественною нравственностью, или моральнымъ правомъ. Это еще не право въ строгомъ, узкомъ смыслѣ слова.

Мы можемъ прилагать къ нимъ это наименованіе, несмотря на то, что со словомъ нравственность соединяемъ, обыкновенно, понятіе о личномъ началѣ нашего поведенія потому, что при примѣненіи ихъ особенно осязательное значеніе имѣютъ отдѣльныя лица со своими частными воззрѣніями, далеко не соединившими еще вокругъ себя твердаго и опредѣленнаго голоса общественнаго мнѣнія, а въ большинствѣ спорныхъ случаевъ при этихъ условіяхъ рѣшающимъ моментомъ нашихъ дѣйствій остается наше личное убѣжденіе.

Съ другой стороны, подъ общее названіе нравовъ, обыкновеній, подходятъ тѣ правила, которыя касаются вопросовъ—не важныхъ, незначительныхъ, не имѣющихъ особой цѣны. Предписанія этого рода могутъ быть очень опредѣлен-

но выражены и, тѣмъ не менѣе, къ праву въ тѣсномъ смыслѣ слова, не относиться.

Нравы и обыкновенія предписываютъ намъ множество разныхъ правилъ, какъ одѣваться, какъ устно, или письменно привѣтствовать другъ друга и пр., и пр. Въ общемъ удобствѣ, чтобы эти незначительныя правила соблюдались, общественная нравственность можетъ возлагать на насъ важныя обязанности, которыхъ право въ строгомъ смыслѣ слова не знаетъ.

Право, напр., возлагаетъ на органы администраціи обязанность пресѣкать правонарушенія, которыя съ вѣдома ея совершаются, но общественная нравственность можетъ требовать и отъ каждаго изъ насъ, чтобы онъ заступился за обижаемаго и, если онъ не заступится за ребенка, женщину, старика, его осудятъ—осудятъ потому, что онъ нравственно, хотя и не юридически, обязанъ былъ заступиться.

Давая изложенное разграниченіе понятія права, въ тѣсномъ смыслѣ слова и понятій, ему родственныхъ, мы не указываемъ для него точной границы. Что такое правила, имѣющія серьезное жизненное значеніе? Какое начало слѣдуетъ считать опредѣленно выраженнымъ въ сознаніи общества? Вопросы, трудно разрѣшимые съ общей точки зрѣнія.

Правомъ въ тѣсномъ смыслѣ словѣ являются, конечно,—правила, опредѣленно выраженныя въ постановленіяхъ договора и закона,—правила, для охраны которыхъ создается особая судебная власть, и которыя приводятся въ исполненіе административными органами государства.

Но начала права могутъ находить свое выраженіе и въ требованіяхъ обычая, нигдѣ опредѣленно не выраженныхъ. Для вынужденія ихъ можетъ не существовать ни административныхъ,

ни судебныхъ властей и въ такихъ случаяхъ граница между правомъ въ узкомъ смыслѣ слова и явленіями, ему родственными, исчезаетъ и даже въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть неясно, куда относится извѣстное начало.

Итакъ, если въ нравственности срединная фигура—человѣкъ, то въ правѣ все обращается вокругъ общества, т. е. обыкновенно—государства. Оно является творцомъ права, обезпеченіе его интересовъ цѣль права и его усилія охраняютъ послѣднее. Право есть внѣшній и принудительный порядокъ жизни и дѣятельности отдѣльнаго лица. Нравственность—внутренній и свободный.

Съ той точки зрѣнія, на которую мы стали, право, подобно нравственности, есть понятіе формальное, но сообразно тому, что мы видѣли въ ученіи о нравственности, возможно дать нѣкоторую общую характеристику и матеріальному содержанію правилъ права.

XIV.

Прежде всего, какъ правила нравственности дѣлятся на два отдѣла, на два, и притомъ соотвѣтствующихъ, отдѣла дѣлятся и правила права. Правила права указываютъ, во-первыхъ, при какихъ условіяхъ возможно людямъ, каждому въ отдѣльности, преслѣдовать сразу—другихъ людей и свои личные интересы и, во-вторыхъ, какъ удобнѣе имъ достигать сообща общихъ цѣлей. Общее благо требуетъ, во-первыхъ, чтобы произволу отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли, были поставлены извѣстныя границы, а во-вторыхъ, чтобы были приняты мѣры къ обезпеченію общихъ у членовъ государства интересовъ.

Люди рано поняли, что вмѣсто постоянной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes) изъ-за личныхъ интересовъ лучше согласиться и установить для каждаго область свободной дѣятельности, гдѣ бы лицо не встрѣчало помѣхи со стороны другихъ и не задѣвало бы интересовъ другихъ. Создавая и защищая въ этихъ случаяхъ извѣстныя типическія положенія, общество избавляетъ своихъ членовъ отъ необходимости силой добиваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ признанія ихъ малыхъ и большихъ выгодъ и надобностей ихъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Задачу опредѣлить границу свободной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ личныя, частныя цѣли, приняло на себя гражданское, или частное право. Правила его касаются каждаго изъ насъ. Они касаются отношеній родителей и дѣтей, мужа и жены, отношеній между людьми по поводу вещей, договоровъ, наслѣдствъ, и ставятъ для нихъ границы, требуемыя общимъ благомъ.

Правила частнаго права имѣютъ въ виду самыя разнообразныя стороны и случаи нашей жизни. Если мы купили какую-либо вещь, никто не смѣетъ отнять, или тайно похитить ее у насъ. За похищеніе или грабежъ чужого имущества каждому грозятъ наказаніемъ. Это установлено въ законѣ. Если мы заключили съ кѣмъ-нибудь договоръ, мы должны, даже если бы не хотѣли этого, выполнить принятыя на себя обязанности. Къ этому насъ принудитъ въ случаѣ нашего нежеланія судъ. Это также гласитъ законъ. Дѣти должны по нашему закону повиноваться родителямъ, жена мужу и т. д.

Очень рано также было замѣчено и существованіе общихъ интересовъ у разныхъ людей и группъ людей, и созданы пути и средства для до-

стиженія таковыхъ общими силами. Эту задачу выполнило публичное право. Публичное право опредѣляетъ, какіе интересы общи членамъ государства, и какіе органы обязаны обезпечивать эти интересы, — такъ какъ всему государству нельзя, конечно, выступать всегда въ цѣломъ своемъ составѣ на защиту своихъ интересовъ, — и какъ должны они дѣйствовать, преслѣдуя общіе интересы.

Такъ создалась въ современныхъ государствахъ власть законодательная, разрабатывающая право, власть административная, исполняющая право, и власть судебная, рѣшающая споры о правѣ и преслѣдующая нарушителей права. У всѣхъ членовъ государства есть общій интересъ бороться съ внѣшнимъ врагомъ, поэтому создана армія и указано, какъ ей дѣйствовать на общую пользу. Общество имѣетъ надобность въ правильныхъ почтовыхъ сношеніяхъ,—создано почтовое вѣдомство со всѣми его правилами и учрежденіями и т. д. и т. д.

Гражданское право соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, нравственности, указывающей, какъ намъ жить для себя, публичное—какъ намъ жить для другихъ. При этомъ любопытно то, что какъ нравственность альтруизма призвана расширяться, а нравственность эгоизма неподвижна и склонна отступать на задній планъ, такъ и право-публичное на нашихъ глазахъ быстро и рѣшительно расширяется насчетъ права гражданскаго.

Разнаго рода общественныя отношенія, которыя были раньше предоставлены свободной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, опредѣляемой только началами гражданскаго права, нынѣ объявляются имѣющими общій интересъ и опредѣляются началами публичнаго права. Наше время ознаменовано ростомъ государственнаго соціализма, раз-

витіемъ общественности, успѣхами публичнаго права.

XV.

Близкое родство между правомъ и нравственностью наблюдаемъ мы далѣе и при сравненіи основныхъ началъ того и другой.

Нравственность эгоизма указываетъ, какъ можемъ мы достигать своихъ личныхъ цѣлей въ сношеніяхъ съ другими людьми, при этомъ цѣли эти понимаются каждымъ, сообразно тому воспитанію, которое дало ему общество. Право гражданское требуетъ, чтобы никто, преслѣдуя свои личные интересы, не переступалъ извѣстныхъ границъ, которыя указываетъ законъ. Понятно, что въ виду той общечеловѣческой солидарности, о которой шла рѣчь выше, то, что думаетъ отдѣльное лицо, и то, что требуетъ отъ него общество, должно, въ видѣ правила, совпадать.

Убійство, воровство, насилія всякаго рода воспрещаются и правомъ, и нравственностью. Какъ всегда и всюду, разница между правилами нравственности и права только та, что обязательность первыхъ покоится на одномъ убѣжденіи въ ихъ необходимости, обязательность вторыхъ поддерживаетъ также принужденіе.

Нравственность альтруизма указываетъ, какъ намъ жить для другихъ, а право публичное налагаетъ разныя принудительныя обязанности на членовъ общества, обязывая ихъ служить общимъ интересамъ. Большею частью оно имѣетъ при этомъ въ виду только органы государства, но иногда обращается и ко всѣмъ гражданамъ.

Обязанность защищать невиннаго, страдающаго, беззащитнаго возлагается на каждаго изъ насъ

нравственностью, а на нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ, на государственные органы, и правомъ. Нравственность требуетъ, чтобы мы рисковали собственной жизнью для спасенія ближняго. Право возлагаетъ на каждаго обязанность служить въ войскѣ.

Нравственность и право развиваются согласно и одинообразно, если здоровое развитіе общества не насилуется никакими посторонними вліяніями, а отдѣльныя лица ярляются его истинными дѣтьми. Большая часть юридическихъ предписаній обязательна и съ нравственной точки зрѣнія. И, наоборотъ, основныя нравственныя воззрѣнія находятъ свое подтвержденіе въ правѣ.

Случаетя однако, что правила права и нравственности требуютъ разнаго или даже взаимно противорѣчатъ другъ другу. Нерѣдко человѣкъ дѣйствуетъ въ высокой степени нравственно, даже какъ герой, жертвуя всѣмъ, даже своею жизнью, ради того, что онъ считаетъ должнымъ, нравственнымъ, а общество не только не признаетъ его, но и преслѣдуетъ и даже казнитъ, потому что онъ нарушилъ, слѣдуя правиламъ своей нравственности, правила права, правила, созданныя самимъ обществомъ. Почему возможны подобныя явленія?

XVI.

Во-первыхъ, право выставляетъ нерѣдкія такія правила, которыя безразличны съ точки зрѣнія нравственности и, наоборотъ, нравственность требуетъ нерѣдко того, что не представляетъ непосредственнаго значенія для права.

Нравственность имѣетъ дѣло всегда съ отдѣль-

нымъ человѣкомъ. Право знаетъ искусственныя лица, разныя учрежденія, общества и пр., и опредѣляетъ ихъ устройство и дѣятельность. Нравственность этимъ не занимается. Ее не интересуетъ устройство, положимъ, университетовъ. Она не имѣетъ никакого отношенія къ формальнымъ дѣйствіямъ судьи, администратора.

Съ другой стороны нравственность, опредѣляющая условія достиженія человѣкомъ его личнаго блага, постоянно занимается вопросами, которые никакого юридическаго интереса не представляютъ. У каждаго своя особая область личныхъ отношеній. Кромѣ общихъ нравственныхъ началъ, которыя могутъ быть и должны быть общими у разныхъ людей, у каждаго имѣются поэтому и свои особыя правила.

Возьмите, напр., семью, или отношенія мужа и жены. Обыкновенныя юридическія и нравственныя отношенія между ними извѣстны; но какая гамма разнообразнѣйшихъ видоизмѣненій развивается на этомъ основаніи въ отдѣльныхъ семьяхъ. Сравните любые два брака и вы увидите, что одинъ по своему нравственному укладу далеко непохожъ на другой и представляетъ массу особенностей, которыя вовсе неизвѣстны ни праву, ни общераспространеннымъ правиламъ нравственности. Таковъ источникъ различія въ постановленіяхъ права и нравственности.

Что же касается противорѣчія права и нравственности, то, прежде всего, возможенъ случай, когда право предъявляетъ неразумныя требованія. Такъ, напр., Петръ Великій предписалъ священникамъ, чтобы они доносили начальству о преступленіяхъ, о которыхъ они узнаютъ на исповѣди. Понятно, что это требованіе права должно было противорѣчить нравственнымъ убѣжденіямъ очень многихъ. Подобные случаи встрѣчаются

очень рѣдко въ передовыхъ обществахъ, именно, въ виду того, что тамъ принимаются особыя мѣры къ тому, чтобы законы, дѣйствительно, отвѣчали требованію общаго блага.

Далѣе, въ каждомъ обществѣ имѣются люди, склонные къ нарушенію разныхъ общепризнанныхъ началъ. Это люди съ нарушеннымъ равновѣсіемъ силъ и способностей, большею частью прямо больные. Возьмите любые типы преступнаго человѣка изъ великихъ произведеній литературы, произведеній Шекспира, Достоевскаго и т. д., и вы увидите, что все это разстроенные, а порою извращенные люди, несчастненькіе, какъ говоритъ нашъ народъ. Понятно, что идеи подобныхъ людей о томъ, въ чемъ благо жизни, должны быть превратны и расходиться съ требованіями права. Отсюда и нарушенія ими дѣйствующаго права.

Далѣе, нѣкоторыя лица могутъ стоять такъ низко въ духовномъ развитіи, что ихъ нравственныя убѣжденія оказываются, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, ниже требованій права. Право можетъ представлять къ нимъ такія строгія правила, какихъ не знаетъ еще ихъ нравственность. Въ то же самое время въ составъ общества могутъ входить лица, получившія свое воспитаніе внѣ его предѣловъ, внѣ его вліянія: инородцы, иностранцы. Ихъ убѣжденія могутъ расходиться съ убѣжденіями среды, гдѣ они живутъ и дѣйствуютъ.

Право всегда есть среднее изъ нравственныхъ требованій отдѣльныхъ членовъ общества. Отсюда, безъ особыхъ толкованій, ясна возможность столкновеній между требованіями права и нравственности. Съ точки зрѣнія полудикаго кавказскаго горца угнать лошадь своего рода геройство, а русскій законъ считаетъ это преступленіемъ.

Но главную причину столкновеній между тре-

бованіями права и требованіями нравственности надо искать въ томъ, что нравственность предъявляетъ къ человѣку нерѣдко болѣе высокія требованія, чѣмъ право, что право по отношенію къ нравственности всегда является, въ общемъ, нѣсколько отсталымъ.

XVII.

Нравственность ставитъ человѣку постоянно новыя высокія задачи. Она ведетъ его неуклонно впередъ. Она указываетъ ему новые и новые пути къ болѣе полному и глубокому исполненію закона жизни для другихъ, для помѣщенія среди другихъ людей нашихъ, постоянно растущихъ и не находящихъ себѣ выхода,—силъ и способностей.

Право устанавливаетъ необходимѣйшія условія общественнаго существованія и развитія. Право есть начало, охраняющее добытые уже результаты нравственнаго развитія. Оно даетъ внѣшнее освященіе тому, что̀ ранѣе сложилось въ совѣсти людей.

Нравственность выражаетъ то, къ чему свободно ходитъ отдѣльный человѣкъ, постоянно развивающійся, свободноищущій истины. Право то, что̀ уже сдѣлалось общимъ достояніемъ, съ чѣмъ всѣ согласились. Понятно, что требованія нравственности всегда болѣе прогрессивны, чѣмъ требованія права.

Право обязываетъ насъ въ минуту опасности стать на защиту своей земли съ оружіемъ въ рукахъ противъ врага. Къ тому-же обязываетъ и наша нравственность. Но могутъ быть и другія нравственныя убѣжденія, несогласныя съ требованіями закона. Духоборъ видитъ въ каждомъ

человѣкѣ брата и отказывается проливать кровь даже врага. Онъ можетъ лишиться всего, что дорого и свято ему, какъ и намъ, но онъ не поднимете руки на ближняго своего.

Главнымъ двигающимъ началомъ человѣчества является нравственность. Новыя воззрѣнія на общественныя отношенія должны первоначально сложиться во внутреннемъ убѣжденіи отдѣльныхъ лицъ, затѣмъ распространиться среди общества и только такимъ путемъ они могутъ пройти въ право. Освобожденіе крестьянъ совершилось сначала въ душѣ Радищева, Пушкина и ихъ товарищей, а затѣмъ только получило освященіе со стороны закона.

Право достигаетъ своихъ цѣлей на пути, указанномъ нравственностью. Оно прибавляетъ новое побужденіе къ исполненію извѣстныхъ началъ—предписаніе. Нравственность обезпечиваетъ за правомъ выполненіе его предписаній потому, что требуетъ бо́льшаго, чѣмъ требуетъ право.

Но, разъ проникнувъ въ жизнь, право отличается непреодолимымъ консерватизмомъ. Если нравственность есть начало развитія, то право есть начало охранительное. Дѣйствительно, если каждому отдѣльному человѣку трудно отказаться отъ своихъ убѣжденій, то насколько труднѣе отказаться отъ того, что́ считалось раньше обязательнымъ,—всему обществу, всему государству. Новый законъ легче создать тогда, когда раньше не было никакого закона, чѣмъ тогда, когда приходится отмѣнять прежній законъ.

Во Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка, потребовалось пролить моря крови, прежде чѣмъ удалось порвать со старымъ порядкомъ. Въ Англіи продолжаютъ доселѣ дѣйствовать юридическія правила, потерявшія уже много лѣтъ назадъ всякое жизненное значеніе. Въ странѣ, которая, по

существу дѣла,—республика, имѣется, какъ блѣдный призракъ прежде полнаго силъ учрежденія—королевская власть. Въ странѣ купцовъ, промышленниковъ и мореходцевъ продолжаетъ существовать рыцарство въ формахъ средневѣковыхъ.

XVIII.

Въ прогрессивности нравственности и въ консерватизмѣ права и заключается главная причина разногласій и противорѣчій между правилами того и другой, а въ возможности противорѣчія и разногласія между ними кроется объясненіе того, почему рядомъ съ началами нравственности существовали, существуютъ и будутъ существовать особыя юридическія начала, внѣшне обязательныя для каждаго, даже въ нравственномъ отношеніи высоко развитого человѣка,—начала права. Многіе съ этимъ несогласны и утверждаютъ, что нравственность должна поглотить право.

Въ первоначальное время существованія человѣческихъ обществъ правовыя убѣжденія соединялись съ нравственными въ умахъ людей въ одну систему началъ. Особенно тѣсно сплетались между собою нравственныя и правовыя начала въ небольшихъ самостоятельныхъ политическихъ дѣлахъ прошлаго. Повторится-ли это вновь? Наступитъ-ли снова это объединеніе права и нравственности? Откажемся-ли мы отъ понятій, которыя вырабатывались съ такимъ трудомъ и такъ медленно?

«Приведеніе всѣхъ идеаловъ субъективныхъ и объективныхъ, къ единству въ одной общей и строгой системѣ, будетъ вѣнцомъ, послѣднимъ словомъ знанія, а возможное ихъ проведеніе и осуществленіе въ дѣйствительности, въ жизни,—

верхомъ человѣческой мудрости». Такъ говорилъ Кавелинъ. Того-же мнѣнія многіе. Вспомнимъ, хотя-бы, теоретиковъ анархизма.

Думается, однако, что съ этой мыслью Кавелина врядъ-ли можно согласиться. Слiяніе права и нравственности, даже религіи и науки въ одно неопредѣленное цѣлое являлось недостаткомъ прошлаго, результатомъ духовной слабости прежняго человѣка. Образованіе отдѣльныхъ понятій для права и для нравственности было существенно необходимо въ виду различія, какъ въ содержаніи, такъ и въ происхожденіи и въ обязательности правилъ права и правилъ нравственности, въ виду существеннаго различія въ жизненномъ назначеніи тѣхъ и другихъ.

Та работа, которую продѣлала общественная мысль на глазахъ всемірной исторіи, разлѣливъ правила общественныхъ отношеній на двѣ группы, правила нравственности и правила права, не только не заключаетъ въ себѣ логическихъ ошибокъ, но и является совершенною необходимостью какъ для прошлаго и настоящаго, такъ и для будущаго. Необходимость въ подобнаго рода классификаціи правилъ останется, думается намъ, навсегда, пока человѣкъ и человѣческое общество будутъ, въ общемъ таковы, какими они были доселѣ.

Если исчезнутъ люди съ нарушеннымъ равновѣсіемъ силъ и способностей, если чрезъ распространеніе просвѣщенія всѣ будутъ стоять, болѣе или менѣе, на одномъ уровнѣ развитія, если всѣ люди будутъ повиноваться закону только потому, что отъ нихъ требуетъ этого общество, если будетъ достаточно психическаго воздѣйствія для того, чтобы заставить отдѣльныхъ людей и группы ихъ подчиняться праву, если не будетъ надобности въ наказаніяхъ и штрафахъ, если, по-

этому, исчезнутъ: суды, полиція, войска, тюрьмы, палачи и т. д., все-таки право и нравственность будутъ существовать одно рядомъ съ другой. Нравственность будетъ указывать человѣку путь къ добру и благу, а право будетъ развивать и укрѣплять общественную жизнь, внѣ которой человѣкъ не можетъ существовать.

Они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока сохранятся различія между людьми, пока каждый человѣкъ будетъ представлять собою нѣкоторыя особенности въ своихъ желаніяхъ и убѣжденіяхъ, пока сохранится различіе между человѣкомъ и обществомъ, пока каждая новая мысль, новый образъ и новое чувство будутъ рождаться сначала въ груди одного человѣка и затѣмъ только передаваться другимъ, пока отдѣльныя лица будутъ преслѣдовать свои цѣли, а на органы общества будетъ возлагать обязанности на общую пользу, пока не прекратится движеніе человѣчества впередъ... По безконечной дорогѣ, къ невѣдомымъ берегамъ счастья и могущества человѣчество будетъ идти, всегда идти, какъ и до сихъ поръ шло, освѣщая себѣ дорогу нравственными идеалами, которые создаетъ себѣ отдѣльный человѣкъ, и укрѣпляя пройденный уже отдѣльной личностью путь твердыми началами права, на которыхъ согласились всѣ, которыя приняло общество.

Современная библіотека.

Изданіе Маріи Малыхъ.

Цѣна каждаго №—10 коп., съ пересылкой 12 коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. **Н. П. Анненкова-Бернаръ**: «Сны». Очеркъ. Цѣна 10 коп.
2. **Л. К. Туганъ-Барановская**: «Іосифъ Арчъ—англ. депутатъ-крестьянинъ». Біограф. очеркъ. Ц. 10 к.
3. **М. Горькій**: «Макаръ Чудра». Разсказъ. Ц. 10 к.
4. **М. Горькій**: «Старуха Изергиль». Разсказъ. Ц. 10 к.
5. **Л. Крживицкій**: «Генезисъ идей». Цѣна 10 коп.
6. **Л. Крживицкій**: «Распространеніе идей». Ц. 10 к.
7—8. **К. Каутскій**: «Общественно-историческіе очерки». Переводъ съ нѣм. *П-сказо*. Цѣна 20 коп.
11—12. **Аларконъ**. «Трехугольная шляпа». Разсказъ. Переводъ съ испанскаго *М. Ватсонъ*.
13. **Проф. П. Казанскій**: «Право и нравственность, какъ явленія всемірной культуры».

ПЕЧАТАЮТСЯ:

9—10. **Шнитцлеръ**: «Поручикъ Густль». Разсказъ. Переводъ съ нѣм. *З. Венгеровой*.
...ія: «Сказки къ Нипонъ» Перев. *И. Рачковской*.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Каутскому: «Экономическое ученіе *К. Маркса*».
...двикъ Крживицкій: «Прошедшее и настоящее».
...Негри: «Стихотворенія»
...ксандръ Килландъ: «Новеллы».
...рикъ Ибсенъ: «Докторъ Штокманъ». Драма.
...Гоголь: «Ревизоръ». Комедія.
...двикъ Крживицкій: «Изъ психологіи общественной жизни».
...о Эрнстъ: «Педагоги». Комедія.
...Гауптманъ: «Потонувшій колоколъ». Драма.
...ранже: «Сборникъ пѣсенъ».
...чно-популярныя статьи Энгельса, Каутскаго, Лафарга и др.

...лиогр. Товар. „Общественная Польза", Большая Подъяч., 39.